

# Воспитание по Белову



ФОТО: ИТАР-ТАСС

Дарья ЕФРЕМОВА

**7 декабря на Вологодчине прощаются с Василием Беловым, замечательным русским писателем, одним из родоначальников жанра «деревенской прозы».**

Полтора месяца назад на страницах нашей газеты его поздравляли с 80-летием друзья — Валентин Распутин и Владимир Крупин, а еще... учитель и тезка Василий Шукшин. К юбилею Бе-

лова впервые была опубликована их с Шукшиным переписка — о жизни в литературе и самых простых житейских вещах: баньке, лесном озере, лошадях, столярстве.

«К черту максимализм, это он губит! Я, может, никакой не писатель... я и руками себя прокормлю, ...может, я дрова колоть больше люблю, чем сочинять все эти штучки...», — делился эмоциями Василий Иванович в письме к «Макарычу». И тут же признавался: «Мне нужно знать, ...что в любой момент я могу бросить всю эту литературу и ис-

кусство. Вот когда так подумаю — сразу дышать легче, сразу гора с плеч, сразу свобода и легкость. Как раз та свобода, без которой ничего стоящего мне не сочинить.»

Родившийся и воспитавшийся, по-разному выражению Распутина, в «царствии народном», Василий Иванович взял головокружительную высоту в литературе еще в далеких 1960-х, когда его первые прозаические произведения увидели свет. Широкою известность Белову принесла повесть «Привычное дело». За ней последовали «Плотницкие рассказы», «Бухтины вологодские», «Воспитание по доктору Споку». Вместе со сборником «Лад. Очерки о народной эстетике», романами «Всё впереди», «Кануны», «Год великого перелома» эти книги навсегда останутся в русской литературе.

## Валентин КУРБАТОВ:

Мы дружили не одно десятилетие. Василий Иванович был человеком требовательным не только к себе. Придет письмецо, а ты его и открыть сразу не решишься — отложишь в сторонку — пусть подождет, пока наберешься мужества, потому что там непременно будет вопрос, который потребует прямого ответа.

Как-то я опубликовал в журнале «Советский экран» статью о фильме «Председатель», — к юбилею уже всесветно признанной картины. Так вот, была мне от Белова баня: «Как вы («вы») было ледяное), который, как я думал, что-то по-

нимает в современной литературе, купились на эту якобы правду? А ведь Вы говорили, что читали меня. И даже писали о русской деревне у Астафьева, Шукшина и Распутина. Так что же Вы умножаете напраслину-то на бедную русскую деревню?»

Сейчас бы такого вопрошателя нашим мастерам культуры...

Жил Василий Иванович рядом, и мы как будто были защищены от бед, знали, как перемочь их. Привычное дело русскому человеку — труд да постоянные испытания. Не одним, так другим, не деспотизмом, так свободой. Как он увидел это в нашем сердце, как горько и утешительно назвал, найдя место любви и свету, растворив их в труде и заботе, в святом порядке и ладе жизни.

Сама смерть русского художника — его последний поступок. С ним ушел целый континент того, что мы звали русским ладом, русской памятью, русской деревенской прозой, которая на самом деле была деревенской только по месту действия. А читали его великие и малые, простые и «сложные» — как своего. Куда денешь нашу общую крестьянскую кровь?

Эта боль и эта потеря уже невозможны. Уходят действующие лица, остаются одни исполнители — талантливые, блестящие, профессиональные, но все же только исполнители.

Дал бы Бог хоть сейчас взглядеться в себя глазами Белова, не отпустить его книги в историю и этнографию, потому что это было наше лучшее — перед собой и миром.